

Б. Г. Кипнис

План войны против Турции, продиктованный А. В. Суворовым инженер-подполковнику де-Волану, и развитие содержащихся в нем идей в планах и ходе войн России с Османской империей в XIX столетии

Продиктованный 10 ноября 1793 г.¹ в Херсоне документ является единственным подробно разработанным А. В. Суворовым планом большой войны. Это своеобразная программа стратегических взглядов, равноценная теоретическому труду и содержащая ряд общих высказываний и установок по вопросам стратегии. Русский полководец демонстрирует в рамках конкретно поставленной задачи умение оперировать большими войсковыми массами, включать участие народных масс в общий план войны, развивает идею координации действий сухопутной армии и флота при условии подчинения их усилий одной общей цели, наконец, он провозглашает неприятельскую армию и столицу в качестве главного и конечного объекта ведения войны. Все это приводит нас к мысли о том, что уже у Суворова сложились основы новой стратегии большой войны периода массовых армий.

С другой стороны, необходимо отметить, что суворовский план, будучи построен на всестороннем и тщательном исследовании потенциального противника, его боевых сил и обязанностей будущего театра войны, оказался универсален в своих основных положениях, как по выбору генерального направления движения войск, по правильности вопроса о тесных совместных действиях армии и флота, так, наконец, и по верному определению конечной цели войны. Благодаря достаточно рутинному развитию средств вооружения в первой половине XIX в. и их недостаточному быстрому изменению в 60–70-е гг. того же столетия, идеи, заложенные Суворовым, вольно или невольно как в целом, так и в деталях повторялись и использовались и в планировании, и в ходе войн России с Турцией в 1806–1812, 1828–1829 и 1877–1878 гг. на Балканском театре военных действий.

План А. В. Суворова 1793 г.

Сущность плана состоит в том, чтобы в течение двух кампаний совместными действиями армии, гребного и корабельного флотов пройти от рубежа р. Днестр² до Константинополя, разгромить в боях турецкие армии, покорить крепости и взять штурмом столицу Османской империи.

Война начинается с того, что три русских корпуса переходят р. Днестр: «Корпус № 2, численностью 15 000 человек, пройдет вдоль берегов Черного моря, овладеет Аккерманом, Паланкой, Килией, Измаилом и – по левому берегу – Сукшей, чтобы облегчить вход в Дунай через это устье нашему гребному флоту, который овладеет Тульчей и Исакей при помощи десантных войск... Все эти пункты должны быть полностью уничтожены, кроме Кили, которая послужит опорным пунктом второй линии для наиболее важных укрепленных постов в устье Дуная и на мысе Чатал. <...> Другой корпус, № 1, численностью свыше 20 000 человек двинется прямо в крепость Бранлов..., начнет правильную осаду и попытается овладеть ею в 21 день. Гребной флот... соединится возможно скорее с этим корпусом для содействия осаде... Точно так же, корпус № 3, численностью свыше 15 000 человек двинется... на Хотин, чтобы приступить овладеть им и разрушить его укрепления, чтобы не выделять сил для лишнего гарнизона. Затем он направится на Журжево (т. е. на линию р. Дунай. – Б. К.), которым, если возможно, овладеет с хода; в противном случае путем осады; ...вслед за этим он немедленно овладеет Руцуком, который в сущности никогда не был крепостью. Эти два пункта будут разрушены и уничтожены, жители выведены, так как наши (войска. – Б. К.) не нуждаются здесь в постоянных постах. Хорошо, если бы

позволило время, таким же путем отделяться разом от Турны и Никополя»³.

Такова у Суворова первая фаза первой кампании, в ней отчетливо видны две цели: во-первых, овладеть линией р. Дунай; во-вторых, отказаться от кардонной стратегии, ибо по занятии турецких крепостей большая часть из них уничтожается, гарнизоны на их занятие, ослабляющие главную полевую армию, не выделяются. Из 13 занятых турецких крепостей сохраняются лишь три – Килия, Суния и Бранлов, превращаемый в главную квартиру русской армии, и создается новый пост на мысе Чатал. Таким образом, русские господствуют на всей линии р. Дуная от австрийской границы до Черного моря, а в Бранлове занимают центральную позицию. Нижний Дунай ими контролируется, опираясь на близлежащие укрепления Килии, Сунии и Чатала. Попытки турок переправиться выше или ниже Бранлова при этом будут парированы русскими войсками и гребным флотом.

После этого начинается вторая фаза первой кампании: поход 1-го и 2-го корпусов силами до 60 тыс. из района Тульчи на Варну, которую они «возьмут... с хода или штурмом, смотря по обстоятельствам. Русский гребной флот будет содействовать в этом походе армии – он должен всегда находиться под прикрытием парусного флота. С этого момента операции будут комбинированными операциями сухопутных войск. Необходимо, чтобы продвижение нашего гребного флота было хорошо рассчитано и чтобы он нашел рейд уже очищенным нашим парусным флотом. В случае, если Варна не может быть взята приступом, ее возьмут осадой за несколько дней. Это предприятие окажется затруднительным, если турецкая эскадра останется на рейде, что значительно повредило бы нам и нашим работам; поэтому не должно упускать ни одного из имеющихся средств для быстрого успеха предприятия»⁴. Таким средством Суворов считает эскадру корабельного флота под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова⁵. Как видим, полководец прямо ставит вопрос о тесном взаимодействии флота и армии.

Одновременно Суворов демонстрирует свою способность предвидению действий неприятеля: «Чтобы проникнуть до Варны, нужно постараться разбить турок, которые

к этому времени не преминут стянуть свои войска под Шумлой и по этому пути будут двигаться нам навстречу, и быстро преследовать их до Шумлы, которую нужно атаковать и уничтожить»⁶. После этого можно идти уже к Варне, а «завладев Варной, корпус расквартируется на зиму в Болгарии вблизи Балканских гор, развертывая правое крыло к Шумле, чтобы начать как можно раньше следующую кампанию»⁷.

Весь план первой кампании базируется на двух важнейших стратегических принципах. Первый – «самым ложным правилом является убеждение, что после побеждения врага все закончено, в то время, как нужно стремиться к более крупным успехам». Второй – «расчет времени есть главное правило ведения войны»⁸. Суворов тем самым рассматривает войну не как механическую совокупность сражений, а как процесс, где из одного события вытекает другое, где можно программировать целую цепь событий, где факторы пространства и времени связаны в неразрывное единство: «Я повторяю, что эта операция основана исключительно на открытии кампании в первые дни весенних подножных кормов (фактор времени. – Б. К.); что крепости, кроме Бранлова, не в состоянии выдержать осаду и что турки, до тех пор, пока крепости не захвачены, не смогут выставить никакого другого препятствия (фактор пространства. – Б. К.). <...> Самое существенное – предупредить их на постах Сунии и мыса Чатал (фактор времени. – Б. К.). <...> Если турки успеют укрепиться там согласно собственным их планам, мы найдем там те же трудности, какие готовим для них (фактор пространства. – Б. К.)»⁹. Полководец интуитивно чувствует диалектическую природу войн как явлений, развернутых одновременно в пространстве и времени.

Суворов также весьма предусмотрителен: он разрабатывает запасной план первой кампании на случай, если турки успеют «изготовиться» к обороне, а русские будут иметь менее 100 тыс. – количество войск, которое он считает необходимым для успешного осуществления первого варианта кампании. В этом случае придется сначала осадить и взять Бранлов, а после этого уже второй по важности опорный пункт неприятеля – Измаил, и лишь после этого «нужно точ-

Б. Г. Кипнис

но рассчитать время, чтобы предвидеть, позволит ли поздняя осень действующему корпусу продвинуться до Варны; если же нет, то оба эти корпуса (при Бранлове и при Измаиле. – Б. К.) должны расположиться на зимние квартиры в обоих княжествах (Молдавии и Валахии. – Б. К.), и операция на Варну будет отложена до первых подножных кормов следующей весны»¹⁰. Все главные принципы – овладение линией Дуная и уничтожение взятых крепостей – сохраняются и в этом варианте.

Вторая кампания должна начаться либо со взятия Варны, либо, если она уже взята в конце первой кампании, то «с благословением Божиим» надо отправляться «тотчас в поход за Балканы»¹¹. Одновременно с этим, если позволить обстоятельству, желательнее появление Балтийского флота в Архипелаге и поднятие восстания «только островными греками для корсарской и каперской службы, не поднимая на восстание жителей материка до тех пор, пока наши войска не перейдут Балканы. Тогда они пригодятся для диверсий, будучи вооружены по-своему. На храбрых черногорцев нельзя особенно рассчитывать, т. к. они немногочисленны и, защищая свои очаги, смогут совершать лишь отдельные набеги»¹². Лучше попытаться поднять против султана пашу Махмуда Скуратийского и Али-пашу Эпирского, давно сепаратистски настроенных. Одновременно можно начать формировать болгарское ополчение: «В начале прошлой войны болгары из-за Балкан и из Румелии или Румынии посылали депутатов в С.-Петербург... Они многочисленны. Их недостаток в том, что они непривычны, как и греки, к собственному оружию, они его не имеют. Необходимо, следовательно, их вооружить соответствующим образом; тогда было бы лучше, если бы они действовали с другой стороны (Балкан) самостоятельно и учинили туркам основательные диверсии...

Все, о чем здесь говорится, должно быть улажено и готово не ранее, чем после перехода наших войск через Балканы. Точно так же надо приложить все усилия, чтобы поднять на борьбу как можно больше греков в различных частях их страны, где немало честолюбцев

и недовольных, – у них имеется свое собственное оружие»¹³.

Как видим, Суворов активно развивает традицию использования широких народных масс Балканского полуострова в борьбе на стороне России против Османской империи, хотя весьма трезво смотрит на соразмерность использования этих вооруженных сил: «Если бы их оказалось больше число в наших войсках, они сделались бы скорее обузой и поглотили их»¹⁴.

Собственно вторая кампания сводится Суворовым к переходу через Балканы, он рассматривает различные варианты дорог, после спуска с гор весьма возможное сражение с новой турецкой армией, а после победы, если будет позволять время года, движение на Константинополь и штурм его. Если же это невозможно из-за осады Варны в начале второй кампании и соответственной потери времени, то нужно «в силу обстоятельств отложить решающий удар до третьей кампании, войска расположатся на зимние квартиры вдоль западного побережья Балкан, между берегом Черного моря и Адрианополем, как можно более сосредоточено; наши флоты завладеют Бургасом и Сизополем и зазимуют там.

Строго соблюдайте правила нанесения мощных ударов по турецким войскам, чтобы ослабить их насколько возможно, и не бросайтесь на столицу с риском, как это сделал Юлий Цезарь при Алезии; различные бои могут у вас отнять много времени, но оно не будет потеряно даром»¹⁵. Таким образом, полководец предупреждает об опасности оказаться зажатым между полевой армией турок, зашедшей в тыл, и Константинополем.

Поход на турецкую столицу выделяется в отдельную экспедицию, которая должна либо быть завершающей фазой второй кампании, либо вылиться в третью кампанию. При этом русская армия идет на Константинополь, сопровождается гребным флотом и транспортом, подводными продовольствием, снаряжением, артиллерию и боеприпасы для осады и штурма. Суворов учитывает, что подступы к Царьграду будет прикрывать свежая турецкая армия, поэтому «первой задачей наших войск будет истребление по мере возможности этой новой гидры раньше, чем предпринимать этот последний удар

(т. е. штурм Константинополя. – Б. К.)»¹⁶. На этом этапе также должны участвовать части, набранные из восставших христианских народов Балканского полуострова.

Наконец, русская армия подходит к стенам турецкой столицы, и начинается овладение укреплениями на подступах к городу и проливом Босфор. Армия и флот действуют совместно, подкрепляя друг друга, причем Черноморская эскадра активно действует против береговых укреплений, а эскадра Балтийского флота, прорвавшись через Дарданеллы, будет блокировать Константинополь, прервав его снабжение продовольствием из Малой Азии и вызвав голод в городе. Далее предлагалось два варианта взятия Царьграда: «Если было бы замечено, что жители города ищут возможности переправиться через Босфор, чтобы укрыться в Анатолии, им будет предоставлен золотой мост.

Если же они будут ожесточенно сопротивляться, нужно в этот момент нанести главный удар и приступить к штурму. Это последний может оказаться трудным и опасным для наших войск вследствие чумы... вот почему, будучи вынужденными к этой крайней мере, надо суметь удержать солдат у взятых стен и закрепиться, расстреливая противника из наших пушек и этим способом принуждая турок к капитуляции на благоприятных условиях для тех, кто захотел бы удалиться в Азию... Но, если жители будут продолжать отчаянно обороняться, – город будет обращен в пепел... Если это мероприятие не будет проведено сразу, мы должны будем осуществить его по частям, продвигаясь по развалинам и уничтожая без пощады все, что будет оказывать сопротивление, вплоть до сераля и Семи Башен и т. п., которые будут осаждены и взяты приступом...

Но общий штурм города должен быть осуществлен лишь в самом крайнем случае. Жители-христиане различных исповеданий, если они в это время будут искать защиты, должны ее получить, так же как и евреи»¹⁷.

Конечно, описание предполагаемого штурма, вышедшее из-под пера Суворова, представляет во всей наготе кровавую сторону войны, но и тут полководец постоянно говорит о предпочтительности капитуляции, необходимости пощадить, елико возможно, мирных жителей. Очевидно, что для него

беспощадность штурма, – инструмент, но не самоцель.

Таков этот суворовский план войны с Турцией. Перед нами предстает документ, который впервые в военной истории России проникнут идеями Нового времени – времени массовых армий, времени, когда вырабатывается стратегия сокращения именно армий, отказа от идеи занятия крепостей и территорий как самодавлеющей идеи, времени привлечения к вооруженной борьбе широких народных масс. Поистине, талант Суворова впитал в себя самые новейшие идеи века и, опираясь на трезвую практику реальной войны, а не на умозрительные кабинетные расчеты, «пророс» в новое по качеству время, опередив его течение не только у себя на родине, но и во многом во всей остальной Европе.

По сей день у нас нет свидетельства о том, были ли знакомы с планом Суворова его современники и следующие два поколения русских военных, но все командующие русскими армиями на Балканском театре войны в течение XIX столетия вольно или невольно, решая стоящие перед ними задачи, отказывались определять и планировать свой образ действий. Когда им удавалось попасть в тот ритм действий и приблизиться к тем приемам ведения войны, которые предлагал Суворов, их всегда ждала победа. Когда же они пытались найти другой способ решения проблемы, а, как правило, он сводился к попытке формирования хода событий, железная логика войны заставляла их вернуться в русло суворовского плана. Как же соотносились планы и действия русских армий в русле русско-турецких войн XIX столетия с планом 1793 г.?

Война 1806–1812 гг.

План этой войны с Турцией был составлен Л. Л. Беннингсеном¹⁸ летом 1806 г., а 13 сентября он был сообщен командующему предназначенной для похода армией И. И. Михельсону. План сводился к следующему: корпус генерал-лейтенанта И. Н. Эссена должен был, перейдя Днестр на севере Молдавии, занять Хотин, а корпус генерал-лейтенанта И. И. Мейендорфа, перейдя средней течения Днестра, овладеть Бендерами. Далее оба корпуса развертывали наступление к Дунаю. Военные действия

Б. Г. Кипнис

начались в конце октября 1806 г., и уже 13 ноября был занят Хотин, в течение ноября почти без сопротивления капитулировали Паланка, Яссы, Аккерман, Бендеры. 9 декабря была занята Калия, а 13 декабря части генерал-лейтенанта М. А. Милорадовича после боев вошли в Бухарест, столицу Валахии. Таким образом, за полтора месяца оба Дунайских княжества были заняты русскими войсками¹⁹. Как видим, события развивались в соответствии с первой фазой первой кампании по плану Суворова, но т. к. поход начался глубокой осенью, от осады Бранлова, Измаила и прочего пришлось отказаться до весны. Однако в эти же декабрьские дни 1806 г. начинается кампания против Наполеона в Восточной Пруссии и Польше. Туда теперь отправляются основные силы русской армии, поэтому император Александр I приказывает Михельсону ограничиться лишь обороной уже занятых позиций. Активные действия ведутся лишь под Измаилом, но после катастрофы 2 июня 1807 г. при Фридланде и заключения Тильзитского мира боевые действия на Дунае прекратились, Наполеон выступает посредником в заключении русско-турецкого перемирия и начала мирных переговоров.

Лишь весной 1809 г. возобновляются боевые действия. В марте месяце, судя по всему, М. И. Голенищев-Кутузов, фактически руководивший войсками Дунайской армии вместо престарелого и малоталантливого фельдмаршала кн. А. А. Прозоровского, составляет план кампании²⁰. В соответствии с ним следовало овладеть Бранловым и Тульчей, окружить и принудить к сдаче Измаил, а после этого, очистив линию р. Дуная от турок, идти уже за Дунай²¹. Этот план также повторял основные положения плана Суворова для первой кампании. Однако по вине Прозоровского штурм Бранлова не удался, тогда Кутузов составил новый вариант плана: овладеть Бранловым посредством правильной осады, после чего, перейдя р. Дунай тремя корпусами, взять Туртукай, Русук, Мачин, Силистрию, Исаичу, Тульчу, мыс Атал и принудить к сдаче Измаил²². О том, что произойдет далее, Кутузов писал: «До покорения Бранлова, Тульчи, Измаила и Силистрии невозможно удалиться от берегов Дуная. Овладев же кре-

постями, должно идти к Балканам и поднять Булгар. Пусть в это время соберется турецкая армия. Я дам ей волю перейти Балканы и с Божьей помощью разобью ее. Булгары с подкреплением егерей займут горы, и армия двинется через оные. Достигнув Адрианополя, должно ожидать, что турки будут просить мира»²³.

Бросается в глаза, что и по общему замыслу, и по деталям план Кутузова весьма точно повторяет предложения Суворова, нет лишь взятия турецкой столицы, но маститый полководец себе это целью и не ставит: ему нужно не изгнание османов из Европы – международная обстановка не та, что в 1793 г. Его цель – это почетный мир для России, который развяжет ей руки для более важных дел.

План Кутузова фельдмаршал Прозоровский за своей подписью отправил в Петербург 25 апреля 1809 г. Александр I остался им недоволен, т. к. понимал, что осуществление подобных предложений потребует много времени и дополнительных войск. Между тем не было ни того, ни другого, вот-вот должна была разразиться война между Наполеоном и Австрийской империей, в которой русские были обязаны поддержать французов. Только что завершилась война со Швецией, потребовавшая мобилизации больших сил, часть которых теперь приходилось держать в завоеванной Финляндии. Поэтому император выдвинул другой план, построенный скорее на политических, кабинетных, нежели реальных военных расчетах. Он отослал его в Бухарест в мае 1809 г. Александр I требовал пренебречь очищением линии р. Дуная и двинуться сразу за Балканы: «Когда против чаяния турок армия наша двинулась, миновав крепости, быстрым шагом за Дунай, нет сомнения, что движение сил производило бы самое сильное впечатление в Константинополе»²⁴. Исключение делалось разве что для взятия Бранлова, но в остальном «маскировать другие крепости (т. е. наблюдать их. – Б. К.), с помощью Божией не теряя ни одной минуты и не ожидая неприятеля перед Балканскими горами идти на Константинополь. С тех пор, как переходят Альпы и Пиринеи, Балканские горы для русских войск не могут быть преградой»²⁵.

Это была авантюра: турки, опираясь на свои крепости, в любой момент

могли перерезать русскую коммуникацию через р. Дунай, вторгнуться в Валахию, прервать связь с Россией, тем более, что Измаил все еще не был взят. Даже Прозоровский понял опасность петербургского плана, и поэтому весь остаток мая, июнь и почти весь июль он медлил выполнять монархии предначертания. Правда, за это время, завидуя авторитету Кутузова в войсках, Прозоровский сумел выжить его из армии, в чем нашел поддержку у императора.

Однако, понуждаемый постоянно из столицы, престарелый фельдмаршал вынужден был небольшой частью сил перейти р. Дунай в конце июня. Вскоре пали Исаича, Тульча, Бабадаг, но этих сил было явно недостаточно для похода за Балканы. Александр I, недовольный Прозоровским, еще в июле посылал ему заместителем, на место удаленного Кутузова, кн. П. И. Багратиона. Багратион прибыл в армию в начале августа 1809 г., а уже 11 августа, в связи со смертью Прозоровского, принял главное командование. Но и Багратион, вместо того, чтобы выполнять майский план, присланный императором, начал фактически осуществлять план Кутузова: он приступил к очищению линии р. Дуная. В течение августа были взяты Мачин, Гирсово, Кюстенджи, генерал-поручик гр. А. Ф. Ланжерон разбил турок у Фрасине, а сам Багратион победил их при Рассвете. Наконец 14 сентября пал после осады Измаил, осаждена Силистрия. Но 9 и 10 октября Багратион дал неудачное сражение туркам при Татарице и отступил от Силистрии, последним аккордом этого подхода было падение 21 ноября Бранлова. Таким образом, в августе – ноябре 1809 г. Багратион осуществил то, что требовал проделать Суворов в первую кампанию: постараться овладеть линией р. Дуная. Однако это требование не было осуществлено до конца, и, понимая это, главнокомандующий, отвел армию за р. Дунай, чем вызвал явное неудовольствие императора.

Багратион приступил к составлению плана кампании на 1810 г., хотя и полагал, что главным ее делом будет нанесение удара по Шумле как важнейшему опорному пункту турок, желал предварительно очистить от неприятеля остальные крепости на р. Дунае: «Но если оста-

вить из виду крепости в тылу остающиеся, силы неприятельские справа и слева могущие сделать сильные диверсии, и даже самый тот корпус (т. е. главный, идущий к Шумле. – Б. К.) тревожить с флангов, перехватывать транспорты и пресечь оному коммуникацию с левым берегом Дуная, то предположенная цель достигнута быть не может... По всем типовым соображениям, признаю я необходимо нужным разделить вышеупомянутые, остающиеся в распоряжении главнокомандующего войска на три корпуса...»²⁶ Этим корпусам ставилась задача занять оставшиеся турецкие крепости на р. Дунае: Никополь, Плевну, Ловчу, Рахову, Вратцу, Берковцу, Систово, Зимлицу, Руцук, последний бронировать; взять Разград, Туртукай, бронировать Силистрию. В это время гребная флотилия должна подняться вверх по Дунаю и будет помогать блокаде Руцука и Журжи. Лишь при выполнении этих условий можно будет идти к Шумле, одновременно бронируя Руцук и Силистрию²⁷.

Как можно заметить, план этот буквально повторяет требования Суворова в отношении подготовки к походу за Балканы и построен на «верном взгляде военном», как говаривал генералиссимус. Составлен он был в марте 1810 г., и в книге видного русского военного историка А. Н. Петрова ему дана справедливо высокая оценка. Одновременно отмечено, что «разработка военно-исторических сочинений у нас ведется без системы, и лишь случайно таковые появляются на свет. Поэтому и план кн. Багратиона на кампанию 1810 года, оставался по сие время неизвестным (т. е. по 1887 г. – Б. К.). А как бы он пригодился для соображений последней войны России с Турцией 1877 и 1878 годов»²⁸. Увы, слова маститого историка актуальны и теперь, спустя свыше ста лет.

Однако вернемся в 1810 г. Александр I был недоволен Багратионом и под впечатлением разгрома Австрии в 1809 г., а также намечающего франко-австрийского союза, пожелал ускорить развязку событий на Балканах. Он назначил весной 1810 г. нового главнокомандующего на Дунай – 33-летнего генерала-от-инфантерии гр. Н. М. Каменского, уже прославившегося в боях

Б. Г. Кипнис

с французами в 1807 г. и со шведами в 1808 и 1809 гг. Каменский решил попытаться претворить в жизнь требования императора: главные силы Дунайской армии, перейдя на территорию Болгарии, двинулись к укрепленным позициям Шумлы с целью дать генеральное сражение великому визирю. Однако полностью игнорировать оставшиеся на р. Дунае турецкие крепости Каменский не мог, и поэтому одновременно были осаждены Руцук и Силистрия.

Поход начался в середине мая 1810 г., 23 мая были обложена Силистрия, а 22 мая штурмом взят Базарджик и пленен знаменитый Пеглеван-паша. Позиции турок у Шумлы были ослаблены, и Каменский даже ожидал их отступления к Адрианополю и скорого заключения мира²⁹. Действительно, 31 мая в Базарджик прибыли представители верховного визиря с предложением о перемирии и начале мирных переговоров. Каменский, не отвергая турецкого предложения, продолжил наступление на Шумлу, и 3 июня русские разъезды уже появились около нее. Однако бои под Шумлой 11, 12 и 26 июня 1810 г. не дали успеха русской армии³⁰. Одновременно русские блокировали Варну и Руцук, но при этом уже не хватало сил для эффективной блокады Шумлы после 26 июня. Так наступила ситуация, о которой предупредил в свое время Суворов: «Чтобы проникнуть до Варны, нужно постараться разбить турок, которые к этому времени не преминут стянуть свои войска под Шумлой и на этом пути будут двигаться нам навстречу, и быстро преследовать их до Шумлы, которую нужно атаковать и уничтожить»³¹. К сожалению, Каменский поступил наоборот, распылил силы и теперь опасался удара в тыл на коммуникацию 18-тысячного руцукского гарнизона.

Уже 16 июня пришлось снимать блокаду Варны, тем более, что Черноморский флот так и не появился на рейде. 6 июля главные силы русских потянулись от Шумлы к Руцуку, успехи же Ланжерона 8 июля при Дерикной и гр. С. М. Каменского 23 июня уже значения не имели, т. к. 27 июля неподготовленный штурм Руцука закончился неудачей. Осажденные активизировались, ожидая теперь подхода из Шумлы великого визиря, который действитель-

но перешел в наступление. Кульминация кампании, однако, была уже пройдена, и, хотя 26 августа Н. М. Каменский при Батине разбил армию великого визиря, а 15 сентября наконец-то капитулировали Руцук и Журжево³², времени для нового наступления на Шумлу и Варну уже не оставалось. Наступала осень, и кампания, так блестяще начатая, кончалась значительно скромнее, чем можно было бы ожидать.

Так оправдалась верность планов Суворова 1793 г., Кутузова 1809 г. и Багратиона в 1810 г. – не очистив турецких крепостей на р. Дунае, нельзя идти к Балканам и Варне. Теперь же войска приходилось отводить на зиму в княжества, а в крепостях, которые Каменский не стал взрывать, пришлось разместить гарнизонами три дивизии³³.

В наступившем 1811 г. Каменский готовился снова перейти в наступление, но 19 января он получил рескрипт от Александра I. Император требовал ограничиться обороной левого берега р. Дуная, а пять дивизий из девяти, составляющих Дунайскую армию, отправить на прикрытие западной границы. Теперь войск оставалось в обрез. Каменский в письме от 22 января жаловался на это и просил у императора разрешения разрушить Никополь и Силистрию, после же, перегруппировавшись, перейти р. Дунай и тем скрыть от великого визиря уход русских войск, заставив его защищать проходы в Балканах. Однако император не позволил срывать укрепления, и пришлось оставлять в Никополе и Силистрии слабые русские гарнизоны, дробя и без того теперь немногочисленные силы³⁴. В очередной раз мы убеждаемся в верности мысли Суворова о необходимости уничтожения турецких придунайских крепостей.

Между тем Каменский был уже тяжело болен и 7 марта 1811 г. сдал командование армией. Александр I был вынужден назначить главнокомандующим Кутузова, который уже 1 апреля вступил в должность. Изучив обстановку, он отказался от обороны придунайских крепостей, уничтожил укрепления Никополя и Силистрии, влил их гарнизоны в главный корпус. Уже 26 апреля был готов план военных действий, в первой его части маститый полководец отмечал: «При настоящих об-

стоятельствах четырех дивизий войск весьма достаточно защищать против турок обе Валахии и Бессарабию. <...> В настоящем положении весьма полезно предпринимать большие поиски за Дунаем. Руцук подает нам к тому все средства. Сие может расстраивать неприятельские намерения, а успехи наши наводить на их войска уныние, что они ничего ко вреду нашему предпринять не могут»³⁵.

Во второй части плана предлагается вариант наступательной кампании: «Если пять дивизий, отделенные на Днестр, оставаться будут в бездействии и политические обстоятельства позволят начать против турок наступательную войну с прошлогодними силами; то в одну кампанию можно надеяться достигнуть мира на желаемых условиях»³⁶. При этом армию надо разделить на три корпуса, и, перейдя Дунай, двинуться через Балканы следующим образом: «Первый корпус... составить из 25 тысяч человек, вести его через Праводы и, пройдя города, поворотить направо к Адрианополю. Переход сей по местоположению есть легчайший... Сим движением Шумля и Челиковак с их крепчайшими дефилеями будут отрезаны... Второй корпус, также составленный из 25 тысяч человек, должен расположиться перед Шумлею на дорогах из Силистрии и Разграда. Ежели по многочисленности гарнизона в Шумле он не в состоянии будет занять ее силою, то прилежно должно наблюдать не упустить время идти за неприятелем, коль скоро движение первого корпуса принудит его поспешать к Адрианополю. <...> Третий корпус до 10 тысяч человек, хотя не может много содействовать главному намерению, но немалую принесет пользу демонстрациями от Никополя через Софиона Адрианопольскую дорогу»³⁷.

Как можно заметить, действия первого и второго корпусов во многом повторяют предложения Суворова относительно второй кампании, указывая на Адрианополь как на ключевую позицию по пути к Константинополю. Одновременно Кутузов показывает возможность маневром заставить турок покинуть сильные позиции при Шумле, путь же движения третьего корпуса вообще превосходит движение гвардейско-

го отряда генерала И. В. Гурко при переходе Балкан зимой 1877–1878 гг.

Как известно, Кутузов не получил просимых пяти дивизий и стал приводить в исполнение первую часть своего плана, увенчавшуюся победами при Руцук и Слободзее, а позднее и заключением Бухарестского мира с Турцией в мае 1812 г.

Война 1828–1829 гг.

Когда в 1827 г. война с Турцией вновь встала в повестку дня, осенью начальник Главного штаба генерал-от-инфантерии барон И. И. Дибич разработал общий план войны, который утвержден был императором Николаем I и 15 ноября отправлен главнокомандующему второй армией фельдмаршалу кн. П. Х. Витгенштейну. Составленный в самых общих чертах, план заключался в следующем. Если начать наступление зимой 1827–1828 гг., то необходимо:

а) занять Молдавию и Валахию, обложить Бранлов и Журжу и до весны быть лишь на линии левого берега Дуная;

б) весной перейти Дунай, овладеть Кюстенджи и Коварною, обложить Варну; главные силы подступают к Балканам и овладевают Шумлой, а резервные войска блокируют и осаждают оставшиеся крепости на Дунае;

в) после взятия Шумлы и Варны идти на Бургас; главные силы переходят Балканы и овладевают Адрианополем, Киргислисом, Визой и Мидие;

г) после этого главные силы, поддерживаемые Черноморским флотом, идут на Константинополь.

На три этапа похода за Дунай отводилось по 1–1, 5 мес. на каждый, но Дибич оговаривал, что при неблагоприятных обстоятельствах времени «может уйти и гораздо более»³⁸.

Так как присланный план был достаточно общим, у Витгенштейна возник целый ряд вопросов, и они были посланы в Петербург 20 декабря 1827 г., но уже 25 декабря Николай I утвердил «Общее предположение» для действующей армии, составленное Дибичем. В этом документе были оговорены конкретные сроки всех этапов кампании: «занять княжества, обложить Бранлов, частью сил перейти Дунай, занять Троянов вал и Кюстенджи, обложить Тульчу, Исакчу

Б. Г. Кипнис

и Силистрию, все это до июня. В продолжении июня – перейти Балканы и овладеть Бургасом. Июль и половину августа оставаться на месте, окончить осаду Бранлова и Силистрии и начать осаду Варны. Около 20 августа начать наступление к Адрианополю с 5 дивизиями пехоты и 4 конницы. С 15 сентября по 15 октября действия против Константинополя»³⁹. При этом начало вступления в Дунайские княжества отнеслось на 15 марта 1828 г.

Начальник штаба 2-й армии генерал-адъютант П. Д. Киселев составил контрплан кампании по поручению Витгенштейна. Киселев протестовал против начала кампании в середине марта, т. к. в это время нет еще подножного корма, начинается распутица, и, как следствие, войска, начав поход в таких условиях, придут в изнурение, начнутся болезни людей, падеж лошадей и т. д. Начальник штаба предлагал перенести открытие кампании на месяц. Начать ее с перехода р. Дуная близ Исакчи и обложить ее, Тульчу и Мачин, занять Бабадаг и идти к Троянову валу, а также занять Кюстенджи. Все эти операции осуществить силами 6-го корпуса. В это же время 7-й корпус занимает княжество и осаждают Бранлов, а 3-й корпус стоит в резерве на р. Прут. Если к началу мая крепости, осажденные 6-м корпусом будут взяты, то очень хорошо, если же нет, то перебросить на Нижний Дунай 3-й корпус, а 6-й и 7-й корпуса, кроме осадного отряда под Бранловым, переходят в наступление, «имея главной целью истребление неприятельских сил, долженствующих по всем вероятностям собраться при Базарджике или Шумле – когда следует направить все усилия, дабы быстрым и решительным ударом истребить первый оплот и главную защиту Балканских гор»⁴⁰.

Затем предполагалось в конце мая перейти Балканы и двинуться на Константинополь, не беспокоясь за левый фланг, т. к. турки не смогут собрать на р. Янтре свежей армии. Надо отметить, что этот расчет Киселева оказался верен. Однако он считал, что все эти действия не могут быть подробно рассчитаны по времени и «следует на первый раз ограничиться изложением некоторых подробностей первого движения, т. е. от перехода грани-

цы до занятия княжеств и Троянова вала»⁴¹.

Нам сейчас трудно судить, насколько был искривлен Киселев, не споря принципиально с планом Дибича, но его разработка первой фазы похода оказалась гораздо ближе к действительности, чем план начальника Главного штаба. План Дибича, построенный на желании сразу решить в одну кампанию две задачи: очистить придунайские крепости и совершать бросок через Балканы на Константинополь, – был невыполним изначально, и это доказала начавшаяся вскоре война.

Русская армия, насчитывая 75 тыс. человек, перешла р. Прут в начале апреля 1828 г. и в середине мая заняла княжество, 9 мая осадила Бранлов, 25 мая переправилась через р. Дунай; 7 июня пал Бранлов, тогда же сдались и остальные крепости на Нижнем Дунае. Однако гарнизон Бранлова, по условиям сдачи, ушел в Силистрию, и теперь пришлось осаждать ее; требовалось время на перегруппировку, а между тем и Шумла, и Варна, слабо занятые турками в мае, в июне уже имели сильные гарнизоны. Русские войска косила дизентерия и лихорадка. В 20-х числах июня Витгенштейн мог двинуть вперед уже лишь 45 тыс. человек, время было упущено.

В результате во многом повторилась ситуация 1810 г. при Н. М. Каменском: армия была разбросана, приходилось одновременно наступать у Шумле, осаждать Силистрию и Варну, «наблюдать» из Малой Валахии и т. п.

Следующие три месяца войска топталась у Шумлы и Варны, и сам Николай I, прибывший на театр войны, был вынужден ночевать между этими двумя позициями. Кризис наступил 16 сентября 1828 г., когда турецкая армия пришла от Шумлы к русским позициям под Варной и пришлось отражать как ее натиск, так и вылазку гарнизона. Лишь 18 сентября турки были разбиты при Кур-Тепе. После этого 29 сентября Варна пала, благодаря поддержке Черноморского флота, участвовавшего в блокаде и бомбардировке⁴². Ни о каком походе через Балканы не приходилось и говорить, зимовали русские тут же, на театре военных действий.

Как видим, по сути дела удавалось лишь с большим напряжением сил, вызвав под стены Варны гвардейскую пехоту, осуществить план-максимум Суворова на первую кампанию и не более того. О плане же Дибича теперь уже старались не вспоминать. Лишь весной 1829 г. бои возобновились. Дибич, командовавший теперь армией, после немалых усилий смог перейти Балканы и 2 сентября заключить в Адрианополе мир, сил же для похода на Константинополь у него просто уже не оказалось.

Так события и этой войны наглядно доказали пагубность плана достижения Константинополя в течение одной кампании, даже с линии р. Прут, не то что с р. Днестр, не решая предварительно вопроса об очищении турецких крепостей на линии р. Дунай. Результатом подобного рода планирования стали неоправданно высокие потери в войсках, отказ от логического завершения кампании, т. е. похода на Константинополь, и весьма скромные, по сравнению с затратами, результаты войны. Необходимо лишь отметить, что в этой войне осуществлялась координация усилий армии и флота, отсутствовавшая в предыдущей.

Война 1877–1878 гг.

Готовясь в четвертый раз в течение XIX столетия предпринять войну против Турции, военный министр генерал-от-инфантерии гр. Д. А. Милютин поручил генерал-лейтенанту Н. Н. Обручеву составить общий план будущей войны. К 1 октября 1876 г. Обручев подготовил докладную записку. Целью войны объявлялось освобождение Болгарии, как средство предлагалось очищение болгарской территории от турок вплоть до Адрианополя. Окончанием войны должно было стать занятие Константинополя и решение тем самым Восточного вопроса⁴³.

Общий характер военных действий должен был отличаться высоким темпом наступления: «Наши операции должны быть ведены с чрезвычайной быстротою. Только при этом условии мы спасем то христианское население, за которое вступаемся, – не дадим туркам времени организовать с помощью Англии новые силы, – и не дадим времени развиться против [нас] обширной европейской коалиции. Еще важнее то обстоятельство, что при мед-

ленности действий наша армия будет страшно таять от болезней, а средства России будут быстро истощаться»⁴⁴. Поэтому Обручев предлагал использовать опыт прежних войн с турками и «не медлить с переправой через Дунай, не втягиваться в бедственную крепостную войну. Напротив, мы должны перейти Дунай, так сказать мгновенно, затем разом очутиться за Балканами, а из укрепленных пунктов брать только то, что безусловно необходимо для ограждения нашего тыла»⁴⁵. Исходя из этого и рассчитывая на помощь румынской армии, Обручев полагал достаточным назначить в поход пять пехотных дивизий, причем одну в резерве, две кавалерийские дивизии, десять казачьих полков, соответствующее количество полевой и горной артиллерии, саперную бригаду с четырьмя понтонными парками и т. д. Если же потом, когда будет занят Адрианополь, придется идти к Константинополю, то усилить надо армию двумя, тремя или большим количеством дивизий, чтобы иметь перевес над англо-турецкими войсками⁴⁶.

Так как у России теперь не было Черноморского флота, то предлагалось отказаться от традиционного направления вдоль побережья, а перенести операционную линию на Средний Дунай и Среднюю Болгарию, тем самым обойдя крепости Нижнего Дуная и треугольник крепостей Шумлы, Силистрии и Варны, где у турок были укрепленные позиции. Надо идти в наступление в направлении Систово-Руцук, через районы населенные болгарами и иметь возможность подавать помощь мирному населению, а также Сербии и Черногории.

На весь поход, начиная от объявления мобилизации и до занятия Адрианополя, отводилось 70–80 дней, а на поход к Константинополю еще 14 дней, всего же боевые действия должны были занять от трех до четырех месяцев. Начать войну предполагалось немедля же, и отмечалось, что более позднее выступление в ноябре–декабре опрокинет все расчеты⁴⁷.

План Обручева страдал двумя крупными недостатками: а) силы, необходимые для похода, были явно недостаточны при реальных потребностях войны на Балканах; б) совершенно не брался в расчет противник и возможность его

Б. Г. Кипнис

контрударов, на этот счет никаких предположений и разработок контрмер не приводилось. Отсюда возникала вполне реальная опасность получить удар во фланг и тыл со стороны треугольника крепостей или Софии–Видина (последнее в конечном счете и произошло), либо поставить под опасность перерезания коммуникации через р. Дунай турецкой Дунайской флотилией.

...Война не началась осенью 1876 г., т. к. болгарский вопрос пытались решить дипломатическим путем. Однако к весне 1877 г. стало ясно, что переговоры провалились и придется воевать. Обручев вновь составил план войны. Он исходил из того, что за эти месяцы турки увеличили свои войска на линии р. Дуная и в Болгарии, поэтому, оставляя целью войны освобождение Болгарии и Балкан, а средствами реализации этой цели взятие Константинополя и занятие Босфора, Обручев вынужден был теперь увеличить количество русских войск, участвующих в походе до четырех корпусов. Он теперь предлагал создать две армии: одну для борьбы в Придунайской Болгарии, а другую – для перехода Балкан и похода на Константинополь. Для действий на р. Дунае предлагалось иметь 8 пехотных и 4 кавалерийских дивизии, а также 10–12 казачьих полков; за Балканы предполагается послать 3 корпуса, т. е. 110–120 тыс. человек. Теперь Обручев признает необходимость и взятия Рущука, и прочного овладения линией Дуная, и даже похода против турецкой армии в Шумле и к Варне, доводя общую численность действующей армии до 303 тыс. человек и 91 тыс. лошадей при 450 орудиях⁴⁸.

Одновременно с этим Обручев признал теперь и возможность крепостной войны: «Хотя ввязываться в крепостную войну совершенно для нас невыгодно, но, если неприятель уйдет в крепость, то, делать нечего, придется бить его и в крепости»⁴⁹. Предлагалось при этом атаковать не сразу всеми фронтами Силистрию, Шумлу и Варну, как в 1828 г., когда это раздробление сил привело к потере всей кампании, а действовать во фланг, начиная с Рущука, всей массой Придунайской армии.

Но и в этих условиях Обручев по-прежнему надеялся, что «кампания может быть кончена в несколько месяцев, если не недель»⁵⁰. Однако, когда война началась, оказалось, что расчеты на стремительный бросок через Балканы и одновременно очищение линии р. Дуная весьма далеки от реальности. Недостаточно было и собранных сил, сказались и ошибки русского командования: если турки не предприняли активных действий на наш левый фланг из Рущука и Шумлы, то и русский Рущукский отряд цесаревича Александра Александровича не был достаточно силен, чтобы покорить турецкие твердыни, а генерал Циммерман, стоявший в Добрудже, не двигался ни к Силистрии, ни к Варне. Зато Осман-паша, пройдя за 6 дней 200 км от Видина до Плевны, занял ее 19 июля 1877 г., под носом у Н. П. Криденера, стоявшего с 4 июля в занятом им Никополе в бездействии, всего в 40 км от Плевны. В результате этого оказалось достаточно, чтобы русский правый фланг и коммуникационная линия оказались под угрозой, а занятие Передовым отрядом генерал-лейтенанта И. В. Гурко проходов в Балканах и выход в долину Казанлыка, а потом и взятие Шипки, совместно с генерал-лейтенантом Ф. Ф. Радецким, оказались лишены большей части смысла и выгод, которые они давали.

Русской армии пришлось остановить наступление, покинуть долину Казанлыка. Основные силы русских и румын оказались втянуты в крепостную войну, безуспешные штурмы Плевны, а потом ее осады. При этом терялось драгоценное время. Фактически бои вокруг Плевны были разрешением задачи очищения линии р. Дуная, решавшейся в соответствии с изменением масштабов и средств ведения войны, но от этого не потерявших своего внутреннего содержания. Так попытка решить задачу выхода к Константинополю за одну кампанию снова обернулась срывом всего плана войны. Остается только «благодарить» турок за их недостаточную активность против Рущукского отряда, иначе и победа под Плевной не позволила бы даже в декабре 1877 г. перейти Балканы, как это произошло на деле.

План войны против Турции

Подводя итоги, можно отметить, что верное знание театра войны, расчет собственных сил, а также сил противника и средств его обороны, позволили А. В. Суворову создать еще в 1793 г. план войны на балканском театре вполне универсальный в своих основах и жизнеспособный на протяжении целого столетия, благодаря двум главным его идеям:

1. Необходимости очищения линии р. Дуная от турок и уничтожения их крепостей. Это позволяло не дробить силы на выделение гарнизонов и сохранить коммуникационную линию, при создании нового узла опорных пунктов, что, в свою очередь, давало после выполнения этой операции возможность беспрепятственно идти через Балканы к Константинополю.

2. Ясного сознания необходимости вести войну в течение двух кампаний, при возможности выделения операции на Константинополь в отдельную кампанию.

Особо необходимо отметить постоянно проводимую Суворовым идею о необходимости действий армии в тесной связи с российским флотом на Черном и Средиземном морях, а также широкой организации повстанческого движения балканских народов. Опыт разобраных русских стратегических планов и их реализация в трех русско-турецких войнах XIX столетия подтверждает верность этих суворовских идей.

Примечания

¹ **Петрушевский А. Ф.** Генералиссимус князь Суворов. – СПб., 1884. – Т. 2. – Прил.2.

² Тогдашняя граница России с Османской империей.

³ **Суворов А. В.** Документы. – М., 1952. – Т. 3. – С. 255-256. Далее: Документы.

⁴ Документы. – С. 257.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С. 256–257.

⁹ Там же. – С. 257–258.

¹⁰ Там же. – С. 260.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С. 261.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. – С. 263.

¹⁶ Там же. – С. 264.

¹⁷ Там же. – С. 265.

¹⁸ Рус. старина. – 1907. – № 5. – С. 443.

¹⁹ **Петров А. Н.** Война России с Турцией в 1806–1812 г. – СПб., 1885. – Т. 1. – С. 61, 88, 92, 100, 104, 105, 113, 114.

²⁰ **Петров А. Н.** Указ. соч. – Т. 2. – С. 206.

²¹ Там же.

²² Там же. – С. 232–233.

²³ **Михайловский-Данилевский А. М.** Описание турецкой войны в царствование императора Александра I. – СПб., 1843. – Ч. 1. – С. 175.

²⁴ **Петров А. Н.** Указ. соч. – Т. 2. – С. 235.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. – С. 571.

²⁷ Там же. – С. 571-574.

²⁸ Там же. – С. 434.

²⁹ Там же. – Т. 3. – С. 46.

³⁰ Там же. – С. 61-81.

³¹ Документы. – С. 257.

³² **Петров А. Н.** Указ. соч. – Т. 3. – С. 135-140, 148.

³³ Там же. – С. 159.

³⁴ Там же. – С. 238-240.

³⁵ **Кутузов М. И.** Документы. – М., 1952. – Т. 3. – С. 350, 351.

³⁶ Там же. – С. 351.

³⁷ Там же. – С. 352.

³⁸ **Епанчин Н.** Очерк похода 1829 года в Европейской Турции. – СПб., 1905. – Ч. 1. – С. 245.

³⁹ Там же. – С. 290.

⁴⁰ Там же. – С. 302, 303.

⁴¹ Там же. – С. 303.

⁴² Там же. – С. 361-377.

⁴³ **Газенкамф М. А.** Мой дневник. – СПб., 1908. – Прил. 1. – С. 1.

⁴⁴ Там же. – С. 1–2.

⁴⁵ Там же. – С. 2.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. – С. 4–5.

⁴⁸ Там же. – Прил. 4. – С. 3-8.

⁴⁹ Там же. – С. 6.

⁵⁰ Там же. – С. 8.